

Цивилизационный анализ в современной исторической социологии и российские политические трансформации

М.В. МАСЛОВСКИЙ

В статье рассматривается цивилизационный анализ как теоретическое направление современной социологии. В рамках веберовской традиции в исторической социологии сопоставляются структурно ориентированные подходы (Р. Коллинз, М. Манн) и концепции цивилизационного анализа (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон). Рассмотрено исследование советской модели модерна в работах Й. Арнасона; подчеркивается значение концепций цивилизационного анализа для сегодняшней политической социологии; обсуждается влияние на политические процессы в постсоветской России религиозной традиции, цивилизационных характеристик советской модели модерна и советского имперского наследия.

Ключевые слова: историческая социология, веберовская традиция, модерн, цивилизация, политические трансформации

Распространение с конца 1990-х гг. цивилизационного анализа как новой парадигмы исторической социологии явилось отражением более общей тенденции, связанной с «культуральным поворотом» в социальных науках [Arnason 2010, p. 5]. Среди ведущих представителей современного цивилизационного анализа выделяются прежде всего таких авторов как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон, исследования которых развивают веберовское направление в исторической социологии. Хотя в числе теоретических источников новой волны цивилизационного анализа рассматриваются концепция цивилизации Э. Дюркгейма и М. Мосса, идеи Н. Элиаса и Б. Нельсона, но переосмысление ряда положений социологии мировых религий и политической социологии М. Вебера сыграло ключевую роль в становлении этой парадигмы.

В отечественной литературе до недавнего времени выделялись главным образом структурно ориентированные концепции неовеберовской социологии, представленные, в частности, работами М. Манна и Р. Коллинза [Масловский 2008; Розов 2009], хотя цивилизационный анализ Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона также в значительной степени опирается на веберовские идеи. В конечном итоге все упомянутые концепции могут быть отнесены к веберовской традиции в исторической социологии [Maslovskiy 2010]. Вместе с тем следует учитывать различия между структурно ориентированными неовеберовскими концепциями, использующими лишь некоторые элементы цивилизационного подхода (Коллинз, Манн), и собственно цивилизационным анализом (Эйзенштадт, Арнасон), в рамках которого делается акцент на изучении сферы культуры.

Р. Коллинз, предложивший пересмотреть и дополнить концепцию легитимности в социологии Вебера, указывал, что степень легитимности того или иного политического режима во многом определяется престижем данной страны на международной арене. В качестве примеров борьбы за престиж он рассматривал колониальную экспансию европейских стран в конце XIX в., создание альянсов в Европе перед Первой мировой войной и противостояние СССР и США в период «холодной войны». Характеризуя влияние международного положения страны на легитимность существующего политического режима, Коллинз отмечал, что победоносные войны или достижение статуса великой державы укрепляют легитимность государственной власти, тогда как военные поражения и внешнеполитические неудачи ведут к утрате легитимности [Collins 1986].

В ряде своих работ Коллинз использует и понятие «цивилизации», характеризуя последние как «зоны престижа» [Collins 2001]. С одной стороны, цивилизация выступает как источник самоидентификации для принадлежащих к ней индивидов; с другой стороны, она является центром притяжения для тех, кто находится за пределами данной цивилизации. В этом случае Коллинз опирается не столько на свой анализ геополитической динамики, сколько на собственные исследования социальных сетей, в частности, распространения различных философских и научных направлений. Обращение к цивилизационному подходу добавляет в концепцию Коллинза культурное измерение и несколько смягчает геополитический детерминизм, характерный для его более ранних исследований по истории макросоциологии. Следует отметить, что сетевой подход Коллинза и теория мир-систем могут в определенной степени расцениваться как взаимодополняющие [Браславский 2010, с. 18–19].

М. Манн рассматривает четыре формы власти в обществе: экономическую, идеологическую, политическую и военную. С точки зрения этого социолога, ни один из указанных разновидностей власти не является определяющим. Как указывает Манн, на протяжении человеческой истории существовали два основных типа политических образований: единые империи и цивилизации с несколькими центрами власти. В централизованных империях решающее значение имели военная и политическая власть. Цивилизации с множеством центров влияния включали в себя несколько соперничающих государств; в таких цивилизациях более важную роль приобретали различные сочетания экономической и идеологической власти, а также политическая власть в ее международном аспекте. Хотя Манн и использует понятие «цивилизация», оно не занимает у него того центрального места, которое оно приобретает в работах Эйзенштадта.

Манн подробно исследует изменения в отношениях власти в западных обществах, анализирует перераспределение экономической власти в ходе развития капитализма, а также усиление политической и военной власти в странах Запада. Согласно Манну, эволюция западных обществ была связана с формированием не только капиталистической экономики и индустриализма, но и нации-государства и системы международных отношений, охватывающих страны Европы, и все эти процессы изменений в экономической и политической жизни оказывали взаимное влияние друг на друга [Mann 1993]. Но основной акцент в работах Манна делается на структурные аспекты социальных изменений, тогда как влиянию на них социокультурных факторов, как правило, уделяется существенно меньше внимания. Вместе с тем подход Манна и концепции цивилизационного анализа, в большей степени ориентированные на исследование социокультурных процессов, могут дополнять друг друга.

В последнее десятилетие в сравнительно-исторической социологии наблюдается неуклонный рост влияния цивилизационного подхода [Arnason 2010; Arnason, Subrt 2010]. Особенно оживленные дискуссии вызвала сформулированная с позиций данного подхода концепция множественности модерна (*multiple moderni-*

ties) Ш. Эйзенштадта. С его точки зрения, возникновение цивилизаций «осевого времени» и переход к модерну представляли собой два наиболее значительных процесса социокультурных изменений в мировой истории [Eisenstadt 2000, p. 19]. Однако анализ различных версий общества модерна в работах Эйзенштадта носит не столь завершённый и систематический характер как его исследования цивилизаций «осевого времени». Во всяком случае, этот анализ может быть по-разному интерпретирован, что уже происходит в последние несколько лет в мировой социологии.

Эйзенштадт характеризует модерн как определённый культурный проект, для формирования которого решающее значение имела идеология Просвещения. Реализация проекта модерна осуществлялась, прежде всего, в политической сфере, в связи с чем Эйзенштадт уделяет значительное внимание воздействию революций Нового времени на формирование общества модерна [Эйзенштадт 1999]. Хотя модерн зарождается в рамках европейской цивилизации, в дальнейшем этот культурный проект и возникающие на его основе социальные институты распространяются на американский континент, а затем и в другие регионы мира. При этом процесс модернизации в незападных обществах проходил различными путями, приводя к результатам, существенно отличавшимся от западных образцов.

Распространение социальных институтов и идеологий модерна не было мирным и безболезненным процессом: оно сопровождалось конфликтами, которые были связаны с экономическими условиями развития капитализма, политической борьбой в ходе процесса демократизации, соперничеством между государствами; в ряде случаев становление новых форм модерна порождало войны и геноцид. Хотя эти явления не были чем-то новым в истории, они «радикально трансформировались и усилились, вызывая тенденцию к исключительно современному варварству, важнейшим проявлением которого стала идеологизация насилия, террора и войны, что впервые получило воплощение во Французской революции» [Eisenstadt 2001, p. 333].

В европейской цивилизации сложились различные идеологические проекты модерна. Одним из таких проектов выступала либеральная идеология, которую отличало признание плюрализма индивидуальных и групповых интересов. Ей противостояли идеологии, отстаивавшие приоритет коллективного сознания. Попытки реализации альтернативных проектов модерна осуществлялись социальными движениями: фашистскими и коммунистическими. Как отмечает Эйзенштадт, коммунистическое движение следовало проекту модерна, в основе которого лежали идеи Просвещения; в отличие от этого фашистское движение отрицало универсалистские идеи Просвещения [Eisenstadt 2002, p. 11]. Тем не менее, с позиций своей концепции Эйзенштадт так и не осуществил подробный анализ советской системы как особого типа общества модерна; он лишь указывал, что общества реального социализма представляли собой пример «неудавшегося модерна» [Delanty 2004, p. 398], а также отмечал влияние исторического опыта и традиций на формирование коммунистических режимов в России, Китае и Юго-Восточной Азии.

В начале прошедшего десятилетия концепция множественности модерна Эйзенштадта характеризовалась его последователями как наиболее значительная альтернатива неомодернистской парадигме и связанным с ней доминирующим подходам к анализу процессов глобализации, а также как альтернатива социально-философскому дискурсу о модерне и постмодерне [Spohn 2001, p. 499–500]. Вместе с тем, как подчеркивает П. Вагнер, концепция Эйзенштадта не оправдала в полной мере возлагавшихся на нее надежд, поскольку сформулированная им идея «культурной программы» предполагает высокую степень стабильности каждой данной формы модерна, опирающейся на определённые цивилизационные основания. Такой подход выглядит достаточно убедительным, когда он используется для анализа современного японского, китайского или индийского обществ,

но в меньшей степени применим к тем типам общества модерна, которые сложились сегодня, например, в Бразилии или ЮАР [Wagner 2010, p. 54–55].

Эйзенштадт подробно рассмотрел деятельность политических и религиозных элит в ходе анализа цивилизаций «осевого времени», но при обращении к цивилизациям модерна он практически не акцентировал внимание на социальных группах, выступавших носителями определенного культурного проекта. В отличие от этого Й. Арнасон обращается к анализу политических структур и роли элит в воспроизводстве цивилизационных моделей, и по сравнению с Эйзенштадтом Арнасон в большей степени ориентируется на проблематику политической социологии. Как указывает немецкий социолог В. Кнебель, подход Арнасона отличается стремление «вернуть политическую власть» в цивилизационный анализ [Knoebl 2010, p. 94].

В своих работах Арнасон неоднократно обращался к проблематике коммунистического модерна, указывая на тот факт, что с окончанием «холодной войны» в западной социальной науке проявилась тенденция расценивать коммунистические режимы как антимодернистские или псевдомодернистские. Вместе с тем невозможно проигнорировать модернизационную динамику коммунистической системы: в государствах, в которых установились коммунистические режимы, были продолжены или начаты основные модернизационные процессы [Арнасон 2011, с. 10]. Одной из основных стратегических целей коммунистических режимов выступала ускоренная индустриализация, хотя она и осуществлялась с опорой на устаревшие модели промышленного развития, а в числе наиболее значительных достижений коммунистических режимов многие исследователи называют модернизацию системы образования; в политической сфере в обществах советского типа произошло организационное и технологическое усиление государственной власти.

Арнасон поднимает вопрос о том, можно ли говорить об особом коммунистическом проекте модерна. Такой проект может считаться берущим начало в марксистской традиции в целом либо в ее большевистской версии, и во втором случае подчеркивается связь данного проекта с российской традицией, но остается спорным вопрос, «являлись ли специфически российские предпосылки проекта более значимыми, чем исторический, цивилизационный и геополитический контекст, к которому должны были приспособляться революционные наследники Российской империи» [Арнасон 2011, с. 18]. В целом Арнасон рассматривает большевистский проект как смесь марксистских идей и менее осознанных заимствований из российской традиции.

В работах Арнасона анализируется роль имперской традиции в развитии советского государства. Как указывает социолог, большевистское правительство унаследовало не только геополитическое положение и внутренние структурные проблемы Российской империи, но также и традицию осуществляемой сверху социальной трансформации. «И наследие революции сверху как стратегии государственного строительства, и утопия радикальной революции как пути к свободе были преобразованы в новые идеологические модели, которые претендовали на обладание универсальной, исключительной и окончательной истиной. В таком качестве воссозданная и заново артикулированная традиция <...> послужила структурированию особого варианта модерна» [Арнасон 2011, с. 34–35].

Согласно Арнасону, анализ политических институтов советского общества может опираться на веберовскую типологию господства, но ее не следует считать исчерпывающей: «миф о партии-авангарде представляет новый способ легитимации, который обладает общими чертами с каждым из веберовских типов, но также и особыми собственными характеристиками» [Arnason 1993, p. 109]. Этот социолог характеризует два варианта политического режима в обществах советского типа: харизматический и более рационализированный олигархический [Арнасон 2011, с. 23]. По его мнению, советская система не может рассматриваться лишь

как предельная форма бюрократического господства: с одной стороны, произвол управленческого аппарата был несовместим с требованиями модели рациональной бюрократии; с другой стороны, возможности контроля и мобилизации населения, которыми обладала советская бюрократия, превосходили веберовскую модель [Arnason 1993, p. 106]. Как полагает Арнасон, в советском обществе возникла новая форма легитимации власти, включавшая элементы всех трех веберовских типов господства, но вместе с тем представлявшая собой новое и оригинальное явление.

Концепция Арнасона может быть сопоставлена с неовеберианским подходом к анализу сталинского режима, предложенным М. Манном. Рассматривая нацистский и сталинский режимы, Манн характеризует их как «режимы непрерывной революции», отмечая, что оба режима были движимы революционной идеологией, стремящейся к полному переустройству общества. При этом Манн обращает внимание на противоречия между требованиями революционной идеологии и логикой развития партийных институтов [Mann 1997, p. 137]. С точки зрения этого исследователя, нацистский и сталинский режимы проходили в своей эволюции через одни и те же «динамические циклы», но динамика нацистского режима была в большей степени связана с геополитикой, а динамика сталинской системы – с внутренней политикой.

Тем не менее, анализ Манна, по-видимому, в большей степени применим к сталинскому режиму на его динамической стадии – к происходившей в 1930-е гг. радикальной социальной трансформации. Последующая консервативная стадия эволюции режима, наметившаяся уже на рубеже 1930–1940-х гг. и получившая продолжение в послевоенный период, все же не соответствует предложенной этим социологом модели непрерывной революции. В целом М. Манн большее внимание уделяет анализу нацистской диктатуры, чем сталинского режима: в частности, он достаточно подробно характеризует идеологию национал-социализма, но ограничивается лишь отдельными замечаниями относительно большевистской идеологии. В конечном итоге, он выделяет главным образом структурные характеристики режимов непрерывной революции, но не их социокультурные основания.

Как подчеркивает Арнасон, советская модель изначально определяла себя как альтернативу западному модерну – в экономической, политической и культурной сферах. Капиталистическая экономика отвергалась в принципе и заменялась плановым подходом, хотя коммунистическим режимам пришлось смириться с сохранением элементов рыночного обмена. Подобным же образом отвергалась западная модель демократии, на смену которой должен была прийти ее социалистическая модель. Коммунистическая идеология претендовала на роль подлинно научной доктрины, преодолевшей ограниченность буржуазных идей. Вместе с тем господство в обществе идеологии, представлявшей собой разновидность «политической религии», оказывало негативное влияние на сферу культуры, поскольку идеология «ограничивала роль рефлексивности в общественной жизни» [Arnason 2011, с. 18].

В то же время превращение СССР в сверхдержаву и распространение советской модели модерна на страны Восточной Европы и Китая создали принципиально новую ситуацию. При этом претензии на создание новой цивилизации, превосходящей западный модерн, играли ключевую роль в советском «идеологическом арсенале» [Arnason 1995, p. 45]. Кроме того, «глобальное присутствие и престиж советского режима были чрезвычайно важны для его легитимации внутри страны» [Arnason 2011, с. 28]. Однако идеологический компонент советской внешней политики усугублял возникавшие геополитические проблемы: внешняя экспансия сама оказывалась в значительной мере идеологически мотивированной.

Распространение советской версии модерна сопровождалось конфликтами и внутри социалистического лагеря. В частности, Арнасон анализирует последствия

советско-китайского раскола для судеб глобального коммунистического проекта, когда советская гегемония была поставлена под сомнение: «самый серьезный вызов был брошен единственной страной, которая могла стремиться стать альтернативным идеологическим и геополитическим центром» [Arnason 2011, с. 29]. Очевидно, что конфликт между двумя основными центрами мирового коммунизма подрывал глобальные позиции советской системы равно как и кризис 1968 г. в Чехословакии: в обоих случаях вовлеченные в конфликт силы «не только преследовали различные стратегические цели, но и были разделены культурными барьерами коммуникации» [Arnason 1995, p. 48].

Следует отметить, что подход Арнасона отличается от концепции Р. Коллинза, в которой выделяется влияние геополитических факторов на легитимность государственной власти. Своеобразный геополитический детерминизм получил отражение и в предложенном Коллинзом прогнозе распада СССР. Согласно Коллинзу, чрезмерное расширение территории «советской империи» (включая находившиеся в сфере влияния СССР страны Восточной Европы) привело к ресурсному напряжению, которое создавало условия для государственной дезинтеграции. Наиболее вероятным сценарием распада Советского Союза являлся «внутренний раскол русского коммунизма на территориально локализованные ереси или фракции» [Collins 1986, p. 207]. В своих более поздних публикациях Коллинз отвергал объяснения «коллапса советской империи», которые выделяли влияние этнических конфликтов, неэффективность советской экономики, роль исторических личностей [Коллинз 2000, с. 260–267]. По-видимому, он не допускал возможности того, что на распад советского государства могла повлиять вся совокупность указанных причин.

Обращаясь к анализу перестройки в СССР, Арнасон не поддерживает точку зрения исследователей, рассматривающих процесс реформ как следствие развития гражданского общества или «восстания среднего класса». По его мнению, реформистское руководство страны действовало отнюдь не в соответствии с запросами гражданского общества, а следовало собственной стратегии [Arnason 1993, p. 210]. Реформаторы были убеждены в том, что в коммунистическую модель можно было вдохнуть новую жизнь; идея гласности отражала «оптимистический взгляд на советскую культуру как установившуюся традицию», а недооценка национальных проблем стала следствием веры в интеграционный потенциал советской культуры [Arnason 1995, p. 51].

Кратко проанализировав ситуацию в постсоветской России, Арнасон указывал на распад государства и общества и социальный вакуум, оставленный после себя советской моделью модерна: он отмечал, что российскому обществу «лишь предстоит сформировать устойчивую институциональную структуру, и остается увидеть, в какой степени сохранятся традиционные основы (с досоветскими и советскими слоями). Но сегодняшнюю трансформацию в любом случае следует рассматривать как новую стадию взаимодействия между российской и западной траекториями развития, а не как становление эндогенного общества либо перенесение импортированной модели» [Arnason 1993, p. 211].

В работах Арнасона значительное внимание уделялось проблематике межкультурного взаимодействия (*intercivilizational encounters*), при этом была подвергнута критике концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В целом, ведущие представители цивилизационного подхода в исторической социологии дистанцировались от концепции Хантингтона, отмечая ее упрощенный и идеологизированный характер, отсутствие прочного теоретического фундамента, необоснованные прогнозы ее автора. Как полагает Арнасон, Хантингтон не учитывает в должной мере влияние модернизационных процессов на западных цивилизации. Кроме того, в современном мире уже не осталось замкнутых цивилизаций, не затронутых взаимным влиянием [Arnason 2006, p. 52]. С точки зрения

Арнасона, речь в данном случае следует вести о «межцивилизационном взаимодействии» – это понятие, введенное Б. Нельсоном [Nelson 1981], является более широким, чем понятие «столкновения цивилизаций».

Вместе с тем Б. Нельсон сосредоточил внимание на межцивилизационных взаимодействиях доиндустриальных эпох и периода раннего модерна: так, он подробно рассматривал взаимоотношения средневекового Запада с Византией и исламским миром. Однако, по мнению Арнасона, межцивилизационный подход вполне применим и для анализа современных социальных процессов. Арнасон характеризует взаимоотношения Запада с другими цивилизациями как «взаимодействие местных традиций (часто с их собственными предвосхищениями модерна), западных традиций (со свойственной им проблематикой), динамики и различных видений трансформации модерна, а также форм контр-модерна (в том числе тоталитарных), которые выросли из западных субкультур» [Arnason 2006, p. 46]. Согласно Арнасону, на эволюцию российского общества в конечном итоге повлияло сочетание всех перечисленных факторов.

Значение для политической социологии идей, выдвинутых теоретиками цивилизационного анализа, обсуждалось в публикациях ряда зарубежных исследователей. Современная политическая социология формировалась в послевоенный период под значительным влиянием структурного функционализма и тесно связанной с ним теории модернизации. В 1950–1960-е гг. политическая социология представляла собой, прежде всего, сравнительный анализ процессов политической модернизации в различных обществах: при этом теория модернизации выступала в качестве обоснования западной, главным образом, американской модели развития. Вместе с тем в политической социологии сложились альтернативные функционализму теоретические подходы: в их числе выделяют теорию конфликта, неомарксизм, постструктурализм и постмодернизм и, наконец, политическую социологию глобализации [Spohn 2010, p. 50], и цивилизационный анализ выступает как формирующееся новое теоретическое направление в политической социологии.

Отмечалось, что цивилизационный анализ подчеркивает роль конфликтов в процессе политических изменений, но обращает внимание не на столкновении материальных интересов, а прежде всего на культурные противоречия. При этом первостепенное значение придается влиянию традиций, сложившихся в различных религиях, империях, цивилизациях. В целом, «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политического модерна и процессы политической модернизации. Империи, мировые религии и региональные экономики как три основных цивилизационных сферы оказывают решающее воздействие на формирование государств, строительство наций, национальную интеграцию, политические культуры, публичную сферу и коллективные идентичности, тем самым способствуя возникновению различных констелляций и траекторий политической модернизации» [Spohn 2010, p. 60]. Следует отметить, что с позиций концепции множественности модерна весьма убедительной критике были подвергнуты «транзитологические» подходы к изучению социально-политических процессов в посткоммунистических обществах [Blokker 2005]. Указывалось также, что социологическая концепция Й. Арнасона обладает преимуществами перед этими подходами, не допускающими возможности поворота вспять экономической и политической либерализации [Spohn 2011, p. 32].

Явной или неявной теоретической основой многих «транзитологических» исследований 1990-х гг. выступала восходящая к функционализму версия теории политической модернизации. Наиболее последовательное развитие данный теоретический подход получил в работах С. Липсета. Политическая модернизация рассматривалась им как в конечном итоге приводящая к формированию стабильных и эффективных демократических институтов. В то же время для Липсета характерна склонность к экономическому детерминизму при объяснении политических

процессов. Это наглядно проявилось в выдвинутом им еще в конце 1950-х гг. тезисе о том, что предпосылкой существования стабильной демократической системы являлся высокий уровень экономического развития. Данная идея (вполне адекватная, если ее не абсолютизировать) стала объектом весьма жесткой критики. Тем не менее, Липсет не рассматривал уровень экономического развития как единственный фактор, определяющий стабильность демократического режима.

Возвращаясь к анализу этой проблемы в первой половине 1990-х гг., Липсет указывал на целый ряд социальных предпосылок демократии. При этом он признавал, что культурные факторы являются не менее важными для формирования демократического режима, чем экономические [Lipset 1994, p. 5]. Липсет в очередной раз обратил внимание на то, что демократия лучше всего укоренялась в протестантских странах и бывших британских колониях. Кроме того, он подчеркивал роль гражданского общества и правовых институтов в процессе становления демократии. Характерно, что в период охватившего западных политологов энтузиазма по поводу очередной «волны» демократизации Липсет призывал к сдержанным и осторожным оценкам перспектив новых демократических режимов. В целом, подход Липсета являлся более всесторонним, чем те транзитологические концепции, которые игнорировали саму идею социальных предпосылок демократии и выдвигали на первый план деятельность политических элит по конструированию демократических институтов.

В качестве одного из направлений социологического анализа, альтернативных функционалистской теории модернизации, выступает подход Р. Коллинза, рассматривающего процессы демократизации с позиций своей геополитической концепции. Он проанализировал ряд исторических примеров формирования демократии, в частности, в Швейцарии и Нидерландах. Особое внимание Коллинз обратил на динамику легитимности политического режима в Соединенных Штатах с момента возникновения этого государства. Он отмечал, что росту легитимности демократического режима во многом способствовала успешная внешняя экспансия, геополитический успех США «защищал и легитимировал американскую демократию» [Collins 1998, p. 30].

Коллинз обращался также к примеру посткоммунистической России. По мнению социолога, одни лишь институциональные реформы при отсутствии демократической политической культуры не могли привести к стабильной демократической системе. «Массовое голосование без структуры разделения властей, которую оно бы формировало, обычно создавало неустойчивые и недолговечные плебисцитарные режимы, периодически соскальзывающие в автократию» [Collins 1998, p. 30]. Вместе с тем, как утверждал Коллинз, частичное восстановление геополитического престижа российского государства могло бы способствовать укреплению легитимности демократического режима. Правда, Коллинз не мог предвидеть того, что в России относительный рост внешнеполитического престижа совпадет не с периодом частичной и непоследовательной демократизации 1990-х гг., а с усилением авторитарных тенденций во внутренней политике. В данном случае геополитический фактор способствовал дискредитации плюралистической демократии и, напротив, росту легитимности плебисцитарного режима «управляемой демократии».

По-видимому, Коллинз все же преувеличивает степень влияния геополитических причин на легитимность государственной власти. Тем не менее, концепция Коллинза позволяет по-новому взглянуть на динамику легитимности различных политических режимов. Этот подход представляет особый интерес при обсуждении проблемы легитимности плебисцитарных режимов, для которых первостепенное значение имеет внешнеполитический успех. Концепция Коллинза может в определенной степени служить дополнением сравнительного анализа политических режимов, ориентированного на социокультурные факторы. Однако следу-

ет отметить, что «транзитологи» игнорируют концепцию Коллинза подобно тому, как в 1980-е гг. в западной советологии был проигнорирован его прогноз распада СССР.

Недостатки транзитологической парадигмы в полной мере осознал американский политолог С. Хансон, который обратился к изучению политических процессов в постсоветской России с позиций сравнительно-исторического подхода. С его точки зрения, политический режим, сложившийся в России после крушения коммунистической системы, представлял собой один из весьма немногочисленных примеров «постимперской демократии». Он сопоставил политическое положение России 1990-х гг. с ситуацией в Третьей французской республике (главным образом, в 1870-е гг.) и в Веймарской республике. Хотя аналогии между постсоветской Россией и Веймарской республикой в свое время были общим местом в политологической литературе, подход Хансона отличается определенной новизной.

Как отмечает этот исследователь, во всех трех рассмотренных им случаях наследие имперских институтов налагало сходные ограничения на действия новых демократических элит: «постимперские демократии» унаследовали недостаточно модернизированные экономики с большой долей государственного участия; во всех этих странах за крушением империи последовал период политической нестабильности и сохранялась социальная база авторитаризма. Вместе с тем характер нового политического режима в указанных странах оказался различным: демократия во Франции, нацистская диктатура в Германии и «слабый авторитаризм» в России. По мнению Хансона, решающее значение в каждом случае имело влияние политической идеологии: если во Франции и Германии получили преобладание «идеологические партии», вокруг которых консолидировался новый режим, то в постсоветской России партии в конечном итоге были подчинены авторитарному государству, не обладавшему какой-либо четко сформулированной идеологией [Hanson 2006, p. 345].

Работы Хансона, по-видимому, являются шагом вперед по сравнению с большинством транзитологических исследований, для которых характерен внеисторичный «мгновенный анализ» (*instant analysis*). Но следует отметить, что предложенное Хансоном понимание идеологии прежде всего как партийной идеологии представляется недостаточно широким. Кроме того, этот политолог подвергает критике цивилизационный подход к изучению российской политики и культуры, ведущими представителями которого он считает Р. Пайпса и С. Хантингтона. По его мнению, данный подход не позволяет объяснить динамику социальных изменений [Hanson 2007]. Однако Хансон не ссылается на труды представителей цивилизационного анализа в современной исторической социологии, которые рассматривают динамику различных типов общества модерна. В целом его исследование постимперских демократий демонстрирует как преимущества сравнительно-исторического подхода, так и недостатки сугубо политологической точки зрения. Вместе с тем предложенное им определение российского политического режима как «плебисцитарного патримониализма» [Hanson 2011] явно носит характер оксюморона с точки зрения веберианской политической теории.

Цивилизационный анализ позволяет преодолеть некоторые недостатки указанных подходов к изучению постсоветских политических трансформаций, в том числе избежать экономического и геополитического детерминизма, а также рассматривать эти процессы в широком социокультурном контексте. Однако до настоящего времени ведущие представители цивилизационного анализа в мировой социологии не уделяли существенного внимания российской политической системе. Так, Й. Арнасон ограничился лишь отдельными замечаниями относительно характера политических процессов в посткоммунистической России. Но следует отметить, что идеи этого социолога успешно использовались для анализа социально-политических изменений в странах Восточной Европы [Блоккер 2009].

Если обратиться с позиций цивилизационного анализа к примеру постсоветской России, существенными представляются три основных момента. Во-первых, следует учитывать влияние на политические процессы религиозных традиций, прежде всего, православия. Во-вторых, необходимо выделить роль цивилизационных аспектов советской модели модерна в воспроизводстве определенного типа политических структур. В-третьих, следует обратить внимание на воздействие, которое оказывает на сферу политики советское имперское наследие. Все эти различные традиции как подлинные, так и «изобретенные» весьма причудливо переплетаются между собой. В связи с этим удачной является предложенная М. Кивиненом метафора российской политической культуры как своего рода «палимпсеста» – рукописи на листе пергамента, на которую наносятся все новые письмена. «Представляя видение истории, согласно которому прошлое может быть подавлено, но не стерт, палимпсест выступает метафорой сохранения культурной памяти» [Kivinen 2009, p. 116]. Но есть основания полагать, что верхние слои палимпсеста российской политической культуры, нанесенные в советский период, более заметны, чем предшествующие слои.

В постсоветский период влияние на российскую политическую сферу религиозной традиции православия и Русской православной церкви как института в целом оставалось весьма ограниченным [Митрохин 2006, с. 235–267]. Необходимо также подчеркнуть, что с позиций цивилизационного анализа в современной социологии идея возродения в постсоветской России православной цивилизации, о чем говорили С. Хантингтон и некоторые отечественные авторы, не выдерживает критики. Если идентичность советской системы была сформирована марксизмом-ленинизмом как «политической религией» [Riegel 2005], то сегодняшняя Россия не обладает такой явно выраженной идентичностью. После распада советской идентичности православие «оказалось лишь ярлыком этноконфессионального партикуляризма, компенсирующего слабости национальной и социальной самоидентификации» [Гудков 2008, с. 21]. Во всяком случае политические трансформации в посткоммунистической России в большей степени определяются влиянием цивилизационных аспектов советской версии модерна, чем православной религиозной традиции.

С точки зрения Арнасона, можно говорить не о советской цивилизации, а о коммунистической модели модерна, обладавшей некоторыми цивилизационными характеристиками. Анализируя советскую модель модерна, этот социолог отмечал, что «политическая религия» марксизма-ленинизма «не проникала в общество столь же глубоко, сколь исторические религии» [Арнасон 2011, с. 18]. В отличие от С. Коткина и других историков, рассматривавших сталинизм как цивилизацию [Hedin 2004], Арнасон делает акцент, скорее, на брежневском периоде. Обращаясь к периоду середины 1960-х – середину 1980-х гг., он выделяет «ретрадиционализацию» как одну из основных тенденций эволюции советской модели [Arnason 1993, с. 213]. Речь идет о попытках представить «советский образ жизни» в качестве особой традиции. Тем не менее, по мнению Арнасона, эти попытки так и не привели к созданию устойчивой цивилизационной модели. По-видимому, отголоски этой «изобретенной традиции» едва ли могут служить прочной основой легитимности посткоммунистического политического режима.

Но, как показывают результаты исследований политической культуры российского общества, неотрадиционалистские черты советской версии модерна продолжают сохранять определенное влияние. Согласно Б.В. Дубину, в 2000-е гг. российское общественное мнение в целом принимало советское прошлое как «свое» и в особенности проявляло ностальгию по «золотому веку» брежневского правления [Дубин 2011, с. 215–216]. С точки зрения этого исследователя, брежневский период может характеризоваться как вершина советского социально-политического и цивилизационного строя. Именно так он выглядит и «в ретроспективных пред-

ставлениях *сегодняшних* россиян» [Дубин 2011, с. 267]. Неоднократно отмечалось также, что поздний брежневский период был временем социализации нынешней российской политической элиты. В конечном итоге, влияние авторитарной политической культуры советской эпохи прослеживается как у населения в целом, так и у правящей элиты.

Наконец, следует обратиться к проблеме влияния советского имперского наследия на современную российскую политику. В последние годы тема империи стала весьма популярной как в российском политическом дискурсе, так и в научной литературе. Как отмечает О.Ю. Малинова, «имперская риторика в том или ином виде обнаруживается практически во всех сегментах российского политического спектра» [Малинова 2008, с. 100]. Вместе с тем значение данного понятия существенно различается в рамках основных идеологических направлений: националистического, либерального и «дискурса российской власти». Характерно, что «в каждом из сегментов публичного дискурса бытуют свои интерпретации концепта «империя». При этом все они слабо связаны с теми трактовками империи, которые можно обнаружить в работах историков, социологов и политологов» [Малинова 2008, с. 101]. Однако следует отметить, что трактовки империи в работах российских исследователей в свою очередь слабо связаны с анализом имперских политических структур с позиций цивилизационного анализа в зарубежной сравнительно-исторической социологии.

Весьма оригинальную трактовку проблемы влияние наследия советской империи на политические процессы в современной России предложил французский политолог П. Аснер, не являющийся сторонником цивилизационного анализа, но в значительной мере следующий теоретическому подходу С. Липсета. С точки зрения Аснера, сложившийся в постсоветской России политический режим сочетает черты «виртуальной демократии», которая, прежде всего, призвана повысить респектабельность этого режима перед западными партнерами, и «виртуальной империи», ориентированной на сохранение его легитимности в глазах населения собственной страны. Как отмечает Аснер, сегодняшняя Россия не обладает необходимыми ресурсами, которые позволили бы ей противостоять Западу, и идеологией, оправдывающей такое противостояние. В этой ситуации правящая элита предпочла имитацию того, что Россия вновь становится великой державой [Hassner 2008]. Хотя в данном контексте, возможно, более правомерно говорить о «виртуальной великой державе», но и понятие империи здесь вполне применимо. В то же время обращение к теоретическим разработкам представителей цивилизационного направления в исторической социологии может открыть новые перспективы анализа этой проблемы.

На сегодняшний день в зарубежной исторической социологии сохраняется разрыв между структурно ориентированными подходами и цивилизационным анализом, подчеркивающим роль социокультурных факторов в процессах социальных изменений. Тем не менее, такой разрыв вполне может быть преодолен: в рамках веберовской традиции в исторической социологии концепции Р. Коллинза, М. Манна, Ш. Эйзенштадта, Й. Арнасона могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Характерно, что в последние годы представители цивилизационного анализа подробно обсуждали проблематику политической социологии [Knoebl 2010; Spohn 2010]. Однако, как признают сами эти исследователи, с точки зрения данного направления не уделялось должного внимания социально-экономическим процессам.

В российской социологии основной акцент нередко делается на изучении взаимоотношений экономических и политических институтов. Так, в отечественной литературе представлен анализ посткоммунистических трансформаций с точки зрения концепций этакратизма [Шкаратан 2007] и неопатримониализма [Фисун 2007], выделяющих слияние власти и собственности как важнейшую характери-

стику постсоветских политических режимов. По-видимому, есть возможности для сближения этих подходов с цивилизационным анализом в зарубежной социологии. Следует учитывать тот факт, что концепция неопатримониализма была сформулирована в трудах Эйзенштадта в 1970-е гг., хотя в дальнейшем этот социолог практически не обращался к данной проблеме. Однако в последние несколько лет интерес зарубежных исследователей к анализу неопатримониальных режимов существенно возрос [Erdmann, Engel 2007; Bach 2011; Hanson 2011].

В целом, современные концепции цивилизационного анализа представляют собой весьма ценный теоретический ресурс для осмысления политических трансформаций на постсоветском пространстве. Обращение к данному теоретическому подходу может способствовать преодолению влияния мифологизированной геополитики и показавших свою ограниченность «транзитологических» схем. Цивилизационный анализ как направление сравнительно-исторической социологии не ориентируется на исследование сегодняшних политических процессов, но позволяет выявить некоторые долговременные тенденции. Изучение российских политических трансформаций с позиций данного направления прежде всего дает возможность по-новому взглянуть на существовавшие в 1990-е гг. препятствия для демократизации и социокультурные предпосылки дедемократизации в последующее десятилетие.

Вместе с тем необходимо проводить различие между двумя наиболее детально разработанными концепциями цивилизационного анализа, которые можно условно назвать «линией Эйзенштадта» и «линией Арнасона». Подход Эйзенштадта подвергался критике за то, что он сосредоточен почти исключительно на культурных факторах и их влиянии на политическую сферу. Логика данного теоретического подхода неизбежно приводит к выделению «зависимости от колеи» как фактора преемственности в развитии цивилизаций. В отличие от этого Арнасон, испытавший значительное влияние леворадикальной политической теории К. Касториадиса, акцентирует внимание на креативности социального действия. Очевидно, что концепция Арнасона обладает лучшими возможностями объяснения процессов политических изменений.

Характеризуя политические институты, сложившиеся в обществах советского типа, Арнасон отмечал, что стремление «присвоить» идею демократии предполагало некоторые формальные уступки – «внешние атрибуты конституционного и представительного правления, которые могли быть реально использованы оппозиционными силами, когда вся эта модель переживала кризис» [Арнасон 2011, с. 20]. Это тем более справедливо в отношении постсоветской управляемой демократии, поскольку в условиях политического кризиса имитационные демократические институты могут быть наполнены реальным содержанием. При этом имитационная демократия, пусть даже и в сочетании с «виртуальной империей», не позволяет обеспечить долговременную легитимность политического режима.

Литература

- Арнасон Й. (2011) Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1.
- Блоккер П. (2009) Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. № 6.
- Браславский Р.Г. (2010) Теоретические направления цивилизационного анализа // Российское общество в современных цивилизационных процессах / Под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис.
- Гудков Л.Д. (2008) Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения. № 1.

- Дубин Б.В.* (2011) Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОССПЭН.
- Коллинз Р.* (2000) Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова.* Новосибирск.
- Малинова О.Ю.* (2008) Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера.* М.: Новое литературное обозрение.
- Масловский М.В.* (2008) Неовебериянская историческая социология // *Социологические исследования.* № 3.
- Митрохин Н.А.* (2006) Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение.
- Розов Н.С.* (2009) Историческая макросоциология: становление, направления исследований, типы моделей и методы // *Общественные науки и современность.* № 2.
- Фисун А.А.* (2007) Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // *Отечественные записки.* № 6.
- Шкаратан О.И.* (2007) К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // *Социологические исследования.* № 10.
- Эйзенштадт Ш.* (1999) Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.
- Arnason J.* (1993) *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model.* L.: Routledge.
- Arnason J.* (1995) The Soviet Model as a Mode of Globalization // *Thesis Eleven.* № 41.
- Arnason J.* (2006) Understanding Intercivilizational Encounters // *Thesis Eleven.* № 86.
- Arnason J.* (2010) Introduction. Domains and Perspectives of Civilizational Analysis // *European Journal of Social Theory.* Vol. 13. № 1.
- Arnason J., Šubrť J.* (2010) *Civilizace v singuláru a plurálu (uvodem)* // *Kultury, civilizace, světový systém.* Praha: Karolinum.
- Bach D.* (2011) Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings // *Commonwealth and Comparative Politics.* Vol. 49. № 3.
- Blokker P.* (2005) Post-Communist Modernization, Transition Studies and Diversity in Europe // *European Journal of Social Theory.* Vol. 8. № 4.
- Collins R.* (1986) *Weberian Sociological Theory.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins R.* (1998) Democratization in World-Historical Perspective // *Max Weber, Democracy and Modernization / Ed. by R. Schroeder.* L.: Macmillan.
- Collins R.* (2001) Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // *International Sociology.* № 3.
- Delanty G.* (2004) An Interview with S. N. Eisenstadt. Pluralism and the Multiple Forms of Modernity // *European Journal of Social Theory.* Vol. 7. № 3
- Eisenstadt S.* (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Thesis Eleven.* № 62.
- Eisenstadt S.* (2001) The Civilizational Dimension of Modernity. Modernity as a Distinct Civilization // *International Sociology.* Vol. 16. № 3.
- Eisenstadt S.* (2002) Multiple Modernities // *Multiple Modernities / Ed. by S. Eisenstadt.* L.: Transaction Publications.
- Erdmann G., Engel U.* (2007) Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // *Commonwealth and Comparative Politics.* Vol. 45. № 1.
- Hanson S.* (2006) Postimperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany and Post-Soviet Russia // *East European Politics and Societies.* Vol. 20. № 2.

- Hanson S.* (2007) Russia's Democratic Failure in Comparative-Historical Context. www.allacademic.com/meta/p209234_index.html
- Hanson S.* (2011) Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // *The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. № 636.
- Hassner P.* (2008) Russia's Transition to Autocracy // *Journal of Democracy*. Vol. 19. № 2.
- Hedin A.* (2004) Stalinism as a Civilization: New Perspectives on Communist Regimes // *Political Studies Review*. Vol. 2. № 2.
- Kivinen M.* (2009) Russian Societal Development: Challenges Open // *Russia: Lost or Found? / Ed. by H. Haukkala and S. Saari*. Helsinki: Edita.
- Knoebl W.* (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks // *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 1.
- Lipset S.* (1994) The Social Prerequisites of Democracy Revisited // *American Sociological Review*. Vol. 59. № 1.
- Mann M.* (1993) *The Sources of Social Power*. Vol.2. The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M.* (1997) *The Contradictions of Continuous Revolution // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / Ed. by I. Kershaw and M. Lewin*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maslovskiy M.* (2010) The Weberian Tradition in Historical Sociology and the Field of Soviet Studies // *Max Weber and Russia / Ed. by V. Oittinen*. Helsinki: Aleksanteri Series.
- Nelson B.* (1981) *On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield.
- Riegel K.-G.* (2005) Marxism-Leninism as a Political Religion // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 6. № 1.
- Spohn W.* (2001) Eisenstadt on Civilizations and Multiple Modernity: Review Essay // *European Journal of Social Theory*. Vol. 4. № 4.
- Spohn W.* (2010) Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective // *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 1.
- Spohn W.* (2011) World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason // *European Journal of Social Theory*. Vol. 14. № 1.
- Wagner P.* (2010) Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // *Thesis Eleven*. № 100.